

УДК 94(476.6):355(09)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ РОССИЙСКИХ ВОЙСК, ДИСЛОЦИРОВАВШИХСЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**А.Б. АРЛУКЕВИЧ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*

Раскрывается система территориального расположения российских войск на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX вв. Устанавливаются причины дислокации войск на белорусских землях, определены их состав, численность и места расположения в границах белорусских губерний. Исследование построено на широком круге впервые вводимых в научный оборот источников, выявленных автором в Национальном историческом архиве Беларуси, Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно, что позволило раскрыть значение белорусских земель в качестве крупнейшего центра дислокации российских войск на территории Российской империи в период с середины XIX в. до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: дислокация войск, белорусские земли в составе Российской империи, Виленский военный округ, белорусские губернии.

Введение. Белорусские земли, став частью Российской империи, представляли собой в военно-стратегическом отношении наиболее удобный плацдарм для развертывания российских войск в случае начала военных действий на европейском театре. При этом главным военно-политическим оппонентом России в рассматриваемом регионе выступала Пруссия (Германская империя), граница которой находилась в непосредственной близости от верхнего течения р. Немана. Внимание русского Генерального штаба к этому стратегическому участку объясняется боязнью возможного окружения русских войск в польском мешке (в случае совместных действий Австрии и Пруссии против России), избежать которого помогло бы их равномерное продвижение вглубь Восточной Пруссии именно с территории белорусских губерний. Вместе с тем русский генералитет не был уверен в успехе возможного наступления, и поэтому рассматривал белорусские земли, прилегающие к германской границе (и прежде всего бассейн р. Неман), в качестве основного оборонительного рубежа на западном направлении.

Основная часть. С началом Крымской войны, обострившей отношения Российской империи с Австрией и поддерживавшей ее в этот период Пруссией, лежавшие в непосредственной близости от восточно-прусской границы белорусские губернии, в случае военной агрессии, открывали кратчайшие пути для наступления немецких войск на Петербург и Москву. Активные действия в Крыму, на Кавказе и Дунае заставили, по оценкам Николая I, восполнять малочисленность войск на западной границе их «качеством» и отправить сюда элитные подразделения императорской гвардии. Подчеркивая важность этого стратегического направления, Николай I, в случае открытого противостояния с австро-германским блоком, собирался лично отправиться в Брест [1, с. 68]

В июле 1854 г. (после того как отпала угроза высадки английского десанта в районе Петербурга) военное министерство сообщило Виленскому генерал-губернатору И.Г. Бибикову о планировавшемся движении гвардии в район белорусских губерний. По сведениям, полученным минским губернатором 15 сентября 1854 г., ее правая колонна (конно-гренадерский, уланский и гусарский полки, а также 2-я легкая и Донская батарея), следовавшая из Петербурга, между 21 октября и 14 ноября 1854 г. должна была пройти через Оршу – Коханово – Толочин – Бобр – Начу – Борисов – Жодино – Смолевичи – Юхновку – Минск. За Минском колонне предстояло разделиться: одна группа направлялась в район Койданово, Сверженя, Несвижа, Мира и Новогрудка, вторая – в составе гвардейской кирасирской дивизии, переправившись за Гончарами Новогрудского уезда через Неман в первой половине октября, должна была остановиться в районе Пружан (первая часть Лейб-кирасирского полка), Волковыска (вторая часть Лейб-кирасирского полка), Рожан (батарея и 1-я конная батарея), Слонима (Лейб-гвардии конный полк) и Новогрудка (Кавалергардский полк) [2, л. 5, 10, 11 об., 12].

По сведениям генерал-губернатора, полученным ранее (в июле 1854 г.), гвардия должна была быть разделена не на 2, а на 3 колонны. Правой колонне, в частности, предстояло расположиться на территории Гродненской губернии в районе Волковыска, Свислочи, Рудни, Беловежи, Каменки, Каменец-Литовского и Брест-Литовска. Средняя колонна должна была остановиться в районе Дзенциола, Задворжья, Слонима, Мижевич, Считно, Сельца, Пружан, Терешева, Чимер, Брест-Литовска; левая колонна – в районе Моловид, Чемел, Михнович, Березы, Сватбич, Запруд, Кобриня, Ракитницы и Брест-Литовска [3, л. 3, 3 об.].

Движение гвардии к западным границам предполагалось начать со 2-й гвардейской дивизии, направив ее в район Вильно. Первую гвардейскую дивизию предполагалось направить в район Бреста или Гродно. Так, в числе прочих, отбив инспекторский смотр в 5,5 часов, 9 сентября из Петербурга выступил лейб-гвардии

Финляндский полк [4, с. 317–325]. В сентябре приказ о выступлении в поход к западным границам получили солдаты и офицеры лейб-гвардии Казачьего полка [5, с. 476]. Второго сентября в поход по маршруту Порхов – Витебск – Минск – Слоним на Волковыск двинулся также лейб-гвардии уланский полк [6, с. 273]. В сентябре 1854 г. по Ковенскому шоссе из Санкт-Петербурга в направлении Вильно начали движение также 2-я лейб-гвардии пехотная дивизия, лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада, лейб-гвардии саперный батальон, два дивизиона лейб-гвардии Казачьего полка и лейб-гвардии Донская батарея. Неоднократно командующие гвардейских войск просили уездных чиновников о предварительном ремонте дорог и мостов на своем пути [3, л. 57 об.].

Губернаторы, получая выписки из маршрута движения войск (эти документы назывались «маршрутными картами»), командировали гражданских чиновников для встречи и сопровождения гвардейских подразделений, закупки необходимого им продовольствия и отвода гражданских жилищ. Все расходы по продовольствию и использованию гражданских подвод заносились в специальные шнуровые книги [70, л. 80–80 об.]. Пространство на пути следования гвардий делилось на так называемые этапы, где войска меняли подводы, а также пополняли запасы продовольствия и фуража. Так, в частности, на участке брест-бобруйского шоссе в Мисской губернии в качестве этапных пунктов выделялось Городище, Моствиловичи, Филиповичи, Лядно, Слуцк, Горки, Дороги, Осиповичи и Бобруйск [7, л. 21]. На упомянутых пунктах по ценам, согласованным с губернским предводителем дворянства, должно было быть заготовлено от 1,6 до 3,2 тыс. ведер водки, от 1,2 до 2,4 тыс. четвертей овса, по 7,5 тыс. пудов сена. Для варки пищи и разложения костров необходимо было также запастись дровами, которых могло хватить на обогрев 130 тыс. человек [7, л. 16–18]. На упомянутых пунктах также должна была быть заготовлена 3301 обывательская подвода из 9 ближайших уездов (по 370 подвод на уезд) [7, л. 32]. Для этого помещикам заблаговременно были разосланы извещения о выставлении необходимого числа подвод [7, л. 49]. Для присмотра за ожидавшими войска подводами на станциях Осиповичи и Дороги уездным предводителем в качестве депутатов от дворянства были назначены Людвиг Поповский и Карл Аллингер [7, л. 53 об.]. В марте 1855 генерал-губернатор объявил благодарность помещикам Минской губернии за усердное исполнение возложенной на них обязанности в поставке подвод [7, л. 56 об.].

Так, колонну Московского полка постоянно сопровождали 72 обывательские подводы [8, л. 70 об, 71]. Такое же количество подвод понадобилось и для перевозки тяжестей Новоингерманландского (не принадлежавшего к гвардии) полка. Кроме того, новоингерманландцам необходимо было «отводить для склада вещей помещения в безопасных от огня местах, и, по малому числу конвоя, наряжать от местного гражданского начальства на ночлегах караулы и в помощь для перекладки тяжестей на подводы рабочих» [9, л. 131–131 об.]. Население за использованные подводы получало так называемые «контрамарки», или «расписки», которые в последствии обналичивались [10, л. 15 об.]. Прогонны не могли оплачиваться наличными деньгами на месте, так как «при выборе даже самых лучших нижних чинов трудно было ручаться, чтобы кто-либо из них не растратил денег, которые были даны им на уплату прогонов, а по неграмотности, был не в состоянии вести отчетности» [9, л. 223 об.]. Поэтому прогонные деньги выплачивались населению местными гражданскими чиновниками при предъявлении контрамарок, выдаваемых войсками в качестве свидетельства об использовании подвод. Мещане Витебской губернии жаловались в губернское правление на то, что для проходящих полков и воинских команд использовались преимущественно мещанские подводы. Дворяне, чиновники и купцы под разными предлогами (пользуясь законом, который к натуральной повинности их не обязывал, или ссылаясь на отсутствие лошадей) уклонялись от несения подводной повинности [10, л. 53–53 об.]. Генерал-губернатору не раз приходилось напоминать дворянам, чиновникам и купцам о том, что все сословия, имеющие в городах недвижимое имущество должны отправлять подводную повинность уравнительно [10, л. 53–53 об.]. Жители городов Витебской губернии (в частности, Люцина) просили разрешения взамен выставления лошадей по подводной повинности собирать ежегодно «по 15 к. с души». Полоцкое мещанское общество и Городокская городская дума в очередной раз готовы были отбывать эту повинность «наймом» и разыскивали желающих принять подряд [10, л. 53–53 об.].

Передвигались армейские обозы медленно, в день проходя в среднем от 15 до 30 верст. К примеру, дорога для Финляндского полка из Петербурга в Вильно осенью 1854 г. заняла долгих два месяца [4, с. 317–325]. Передвигавшиеся на подводах части могли задержать в дороге дождь, распутица, метель и т. п. [11, л. 42 об.]. Так, в феврале 1855 г. «по случаю постигшей метели обывательских подвод на станциях к назначенному в маршрутах сроку заготовлено не было, поэтому войска смогли выступить только с наступлением хорошей погоды» [11, л. 54]. Солдаты пехотных полков в походе шли пешком, офицеры – в нанятых на почтовых станциях повозках, за ними тянулись подводы с полковым хозяйством. Обоз лейб-гвардии Московского полка состоял из 26 ротных повозок, 24 провиантских телег, 17 офицерских повозок, 2 телег для лазаретных вещей, церковной фуры, инструментальной повозки, казначейской телеги, 6 телег для перевозки больных, аптечного вьюка, «ящика для казны и дел», 13 патронных ящиков, 94 полковых подъемных лошадей и 72 фурштатских лошадей. Полк был обеспечен 4-х дневным провиантом, для полковых тяжестей было взято 42 обывательские подводы и еще 30 обывательских подвод для «слабосильных» нижних чинов [11, л. 70 об, 71]. «В походе (вспоминает С. Гулевич. – А. А.) для каждой роты было определено свое место в

строю, который замыкался караулом. При караульной роте следовали: знамена, обоз, лазарет, музыканты и нестроевые нижние чины. Караульные роты сменялись после дневки на первом привале. При дежурной роте постоянно следовала штучерная команда. Каждую колонну войск в пути сопровождал колонный офицер, отвечавший за правильную организацию ее движений» [8, л. 8 об.]. Колонны также сопровождали провиантмейстеры, назначенные обер-провиантмейстером гвардейских корпусов. По свидетельству последнего, малейшая остановка в продовольствии войск гвардии должна была лечь на его ответственность, «а равно на те лица, от коих произойдет остановка или замедление в доставлении нужных сведений или в оказании содействия», т. е. местных чиновников, «которые со своей стороны призваны оказывать означенным лицам всевозможные содействия по заготовлению провианта, фуража, мяса, соли, и вина и сообщали без замедления справочные цены, указывая промышленников и места, где купить продукты с большей выгодой будет сложно, а также способы к перевозке, где она требуется» [3, л. 7 об.]. Войска имели небольшой запас муки, крупы, хлеба или сухарей, пополняя его в пути следования из провиантских магазинов или покупая на местных рынках. Однако остановка в местах торговли, которые зачастую лежали на значительном удалении от прямого пути их следования, могла занять слишком много времени. Поэтому местные чиновники по возможности должны были заранее заготовить продукты и доставить их по маршруту следования войск [3, л. 1, 1 об.]. Заготовка дров для кухонь гвардейских полков была возложена на дворянство губернии [8, л. 38].

Расположение гвардии на территории белорусских губерний определялось как их близостью к восточно-прусской границе, так и уровнем развития сети транспортной коммуникации (обеспечивавшей быструю переброску войск), плотностью и благосостоянием населения, дававшими преимущества в качестве квартирного довольствия и продовольственного обеспечения военнослужащих. Так, по оценкам российского генерального штаба, Витебская губерния из-за бедности населения и слабой производительности труда не могла стать центром дислокации большой массы войск [12, с. 32]. Низкая плотность населения Могилевской губернии, дороговизна и недостаток фуража делали ее неудобной для расквартирования кавалерии и артиллерии [13, с. 1]. Неблагоприятными для расположения войск была признана большая часть Минской губернии, за исключением Новогрудского, Слуцкого, Минского, части Игуменского и Борисовского уездов. Особенно неудобными для этого были малонаселенные долины Припяти и Березины, усеянные редкими небольшими деревнями, не имевшими между собой надежного сообщения [14, с. 45]. По этой причине генеральный штаб старался избегать расположения войск в Пинском, Мозырском, Речицком и Бобруйском уездах, а также на левобережье р. Березины, используя для стоянки войск лишь населенные пункты, лежавшие вдоль почтовых дорог [14, с. 45]. Особым образом выделялась Гродненская губерния, расположенная в непосредственной близости от восточно-прусской границы, а также отличавшаяся наиболее высокой плотностью населения, которая позволяла расположить на ее территории армейский корпус в полном составе [15, с. 15]. Расположение гвардии на белорусских землях полностью соответствовало оценкам генерального штаба, когда на территории Гродненской, а также соседних с ней уездов Виленской и Минской губерний расположился кавалерийский и пехотный корпус императорской гвардии [2, л. 13].

Подобным образом, «дойдя до г. Лиды расположились на зимних квартирах лейб-казаки эскадроны – нижние чины в окрестных деревнях, а штаб полка – в городе (22 Февраля 1855 г. штаб полка перешел в Новогрудок, весной 1855 г. – в м. Домачев. Там полк пробыл до зимы, а на зимние квартиры перешел в Пружаны. – А.А.)» [5, с. 463–464]. В Волковыск на зимних квартирах остался лейб-гвардии уланский полк, расположив эскадроны по окрестным селениям [6].

Схема расположения гвардейских подразделений на белорусских землях составлялась непосредственным командованием (дивизионным квартирмейстером) на местах. В ее разработке также активно участвовали губернаторы. К лету 1855 г. дивизионный штаб и штаб л.-гв. Конно-Гренадерского полка квартировал в Пружанах, штаб л.-гв. Уланского полка был расположен в Кобрине, штаб л.-гв. Гусарского полка – в Высоколитовске, штаб л.-гв. Казачего полка – в м. Домачево, л.-гв. Конная № 2 батарея квартировала в Сельце, л.-гв. Донская батарея – в Березе-Картузской, штаб л.-гв. Финляндского полка стоял в Бельске, штаб л.-гв. Гренадерского полка находился в Белостоке, л.-гв. Батарея № 4 батарея – в Маковлянах, л.-гв. легкая № 5 батарея была расположена в Кринках, л.-гв. Батарея № 3 батарея с бригадным штабом – в Соколке, штаб л.-гв. Павловского полка был расположен в Волковыске, штаб л.-гв. Финского стрелкового батальона – в Деречине, лейб-гвардии саперный батальон – в районе Гродно [8, л. 34, 34 об., 35 об., 36].

В конце августа 1855 г. Гродно и его окрестностям предстояло стать местом проведения летних сборов 2-й гвардейской пехотной дивизии. На это же время были назначены сборы 1-й легкой кавалерийской дивизии в районе Брест-Литовска (до начала августа сборы кавалерийской дивизии планировалось проводить в районе Пружан). Проведение сборов было одобрено Николаем I [8, л. 34–36]. В июле в Гродно был командирован дивизионный квартирмейстер 2-й гвардейской пехотной дивизии капитан Н.Н. Обручев, «для выбора учебного места и составления дислокации на тесных квартирах в ближайших окрестностях» (впоследствии Обручев стал известным ученым-реформатором, «умом военного министерства», разработавшим стратегический план победоносной войны с Турцией). Здесь частям дивизии предстояло пройти ряд тактических занятий [8, л. 1]. Командующий гвардейским корпусом П.А. Витовтов просил губернатора позаботиться «об отводе для дивизии учебного места в возможно скорейшем времени, чтобы жалонерные учения могли начаться

тотчас по сборе в Гродно 8 августа, а также об отводе помещений для желонеров всех частей дивизии в числе 5 обер-офицеров и около 100 нижних чинов» [8, л. 1 об.]. Дивизионным квартирмейстером Н.Н. Обручевым для предстоящих учений в окрестностях Гродно лучшими местами были признаны «пространства по правую сторону р. Немана между селениями Станиславовым, Пршеселками и Грандичами, а по левую – между мытой Августовкой и городом». «Но так как с полей помянутых пространств, – докладывал губернатору Обручев в середине августа 1855 г., – хлеб еще не снят, то я имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство о распоряжении дабы хлеб сей был убран в возможно скорейшем времени и не позже как к 19 числу сего августа месяца». Н.Н. Обручев также просил несколько теснее поставить людей местного гарнизонного батальона, расквартированного в городе [8, л. 23, 23 об.].

Сбор войск 2-й гвардейской пехотной дивизии должен был посетить командующий западной армией генерал-адъютант С.П. Сумароков. Его сопровождал «исправляющий должность» начальника штаба западной армии генерал-майор М.Л. Фантон-де-Веррайон, генерал-квартирмейстер полковник В.С. Семека, начальник артиллерии генерал-майор Лутновский [8, л. 12]. К приезду генералов, а также возможному посещению города императором в Гродно готовились. Из отношения гродненского губернатора Х.Х. Ховена местному полицмейстеру: «На случай приезда Николая и по поводу ожидаемого прибытия в Гродно генерала-фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича-Эриванского, а также командующего западной армии генерал-адъютанта С.П. Сумарокова, я уже предписал Вашему Высокоблагородию вчерашнего числа о приведении города в благовидное состояние» [8, л. 15]. Гостей-генералов было решено разместить в губернаторском доме. Сам губернатор вынужден был его покинуть, остановившись у князя Четвертинского, которому по требованию его поверенного платил по 150 р. в месяц [8, л. 91–91 об.].

Еще до начала сборов гвардейской дивизии активно заготавливались подводы, дрова, солома, «содержалось в совершенной готовности нужное число экипажей с лошадьми для доставления к сборным местам войск высоких гостей» [8, л. 45–46]. Для учебного места 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии возле Брест-Литовска было выбрано «луговое пространство под самым Брестом, а также поле под Белостокскою слободкою, имеющее около квадратной версты» [8, л. 49]. По окончании сборов «комиссии для оценки потопанных полей», предстояло определить сумму компенсации местным жителям за нанесенный ущерб [8, л. 49, 49 об.]. Однако все приготовления оказались напрасными – эпидемия холеры встала на пути как гвардейских частей, так и высоких гостей. Сегодня трудно установить, каким путем болезнь проникла на территорию белорусских губерний, однако, по оценкам командования гвардейских подразделений, во многих местах она свирепствовала еще до прихода гвардии [4, с. 317–325].

Неудачи Крымской кампании положили начало всестороннему реформированию военного хозяйства. Эпидемии, недостаток продовольствия, лишения длительного похода не могли не запечатлеться в памяти столичного гарнизона, который, вернувшись после окончания Крымской войны в петербургские казармы, должен был стать одним из главных катализаторов военной реформы (до 1862 г. при отдельном гвардейском корпусе работала комиссия «для улучшений по военной части»). Одним из ключевых элементов ее деятельности стала организация новой системы военно-территориального управления и расположения армии в мирное время. В частности, к лету 1862 г. были сформированы органы управления образованного Виленского военного округа, вобравшего территорию Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской губерний [16, с. 10–51].

Создание органов военно-территориального управления должно было уменьшить расходы на содержание войск в мирное время, а также более эффективно организовать схему их территориального расположения и квартирного довольствия на местах. Органы военного управления должны были стать неотъемлемой частью административного аппарата белорусских губерний (в частности, до 1912 г. должность командующего войсками Виленского военного округа преимущественно совмещалась с генерал-губернаторской). Так, согласно «табели о рангах» губернаторы были равны начальникам дивизий (на белорусских землях округа их было 8) и крепостей (2), корпусные командиры были выше губернаторов (с 1877 г. на территории белорусских губерний их было 5!) [17, с. 590]. Таким образом, войска приводили с собой по меньшей мере 15 высших военно-политических сановников Российской империи. С образованием округа постепенно сложился и постоянный состав армейских соединений, дислоцировавшихся на белорусских землях, многие из которых не покинули территорию белорусских губерний до начала Первой мировой войны (т.е. дислоцировались здесь на протяжении пятидесяти лет). «Управление округа представляло собою в миниатюре Военное министерство. Оно состояло из окружного штаба, военно-окружного совета и шести отделов: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского и окружного инспектора военных госпиатлей» [18, с. 90].

Стратегическое значение пограничного округа подтверждает назначение в случае войны командующего округом на должность командующего действующей армии и преобразование окружных отделов в отделы ее полевого управления (что и произошло с началом Первой мировой войны) [18, с. 106]. Войска округа были призваны составить костяк будущей западной армии, а возможно некоторое время вести боевые действия без подкрепления. Таким образом, на белорусских землях (как и на территории всего округа) должны были дислоцироваться самые боеспособные части российской армии. Образование округа совпало с началом восстания 1863–1864 гг., что также способствовало увеличению численности военного контингента на наших зем-

лях. «С началом 1863 г. войска приграничных округов (и в первую очередь Виленского. – А.А.) стали усиливаться передвижением полевых войск из внутренних округов... В начала лета польский вопрос принял общеевропейский характер и пришлось (дополнительно. – А.А.) стягивать наши войска к западным границам. Туда были перемещены почти все резервные батальоны для переформирования их в полки» (в 1865 г. на белорусские земли из Московского округа была переведена 16-я пехотная и 7-я кавалерийская дивизии) [16, с. 76–77]. Из состава последних на белорусских землях были сформированы 26-я, 27-я, 28-я, 29-я, 30-я и 31-я пехотные дивизии [16, с. 77]. На белорусских землях Виленского военного округа также были сформированы 25-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я, 30-я и 31-я артиллерийские бригады», которые привязывались к одноименным пехотным дивизиям (по принципу «26-я» пех. див. – «26-я» арт. бриг, «30-я» пех. див. – «30-я» арт. бриг. и т.д.) [17, с. 10].

К 25 октября 1863 г. 26-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Вильно и Динабурга (в 1866 г. она была направлена из Динабургского района в Гродненский, а ее место заняла 16-я пехотная дивизия, которая уже в 1868 г. поменялась местами с 29-й, дислоцировавшейся в районе Могилева); между Вильно и Лидой расположились 2 полка 27-й пехотной дивизии; 28-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Витебска (в 1865 г. она была направлена в район Ковно); 29-я пехотная дивизия, дислоцировалась между Могилевом, Оршей и Борисовом; 30-я пехотная дивизия растянулась между Вильно, Минском, Пинском и Новогрудком; 31-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Слуцка и Бобруйска (в 1868 г. она была перемещена в Харьковский военный округ); кроме того, на Гродненщине была дислоцирована 3-я пехотная дивизия (в 1866 г. она перешла в Московский военный округ); на Гродненщине также дислоцировались 2 полка 1-ой кавалерийской дивизии (в 1865 г. на ее место из Московского округа были переведены части 7-й кавалерийской дивизии) и две артиллерийские бригады; артиллерийская бригада дислоцировалась также между Вильно, Ошмянами и Сморгонью; кроме того, по территории белорусских губерний были рассредоточены многочисленные гарнизонные подразделения корпуса внутренней стражи; для борьбы с повстанцами с Дона и Урала было стянуто шесть казачьих полков (штабы которых расположились в Кобрине, Могилеве, Вильно, Белостоке, Слуцке и Гродно) [18]. Таким образом, всего на белорусских землях к концу 1863 г. было расположено 6,5 пехотных дивизий, 3 артиллерийских бригады и 6 казачьих полков – всего около 60 тыс. солдат и офицеров.

Большинство соединений, сформированных на белорусских землях во время образования Виленского военного округа, не покинуло его территорию до начала Первой мировой войны (26-я пех. див. с 26-й артбригадой – Гродненской губернии, 27-я пех. див. с 27-й артбригадой – белорусских уездов Виленской губернии, 30-я пех. див. с 30-й артбригадой – Минской губернии). С 1863 по 1880 гг. на территории Витебской и Могилевской губернии дислоцировались также 16-я пех. див. с 16-й артбригадой, уступившие в 1881 г. место 41-й пех. див. с 41-й артбригадой. В том же году на территорию Гродненской губернии вступили 38-я пех. див. с 38-й артбригадой. Регулярно Гродненская и соседние с ней уезды Минской губернии становились центром дислокации различных кавалерийских соединений (с 1863 г. по 1865 г. – 1-й див, с 1876 г. по 1882 г. – 7-й див, с 1882 г. по 1903 г. – 14-я). До 1882 г. в каждой губернии находилось по одному батальону местных войск, впоследствии переформированных в 43-ю пех. див.

До начала 80-х гг. XIX в. пехотные полки (делившиеся на 3 батальона, каждый из которых был разделен на 5 рот) были расположены на территории белорусских губерний таким образом, что не только батальоны, но и роты одного полка никогда одновременно не находились на территории одного населенного пункта. Штаб-квартиры отдельных батальонов, как правило, располагались в трех наиболее крупных населенных пунктах вокруг своего полкового штаба. Так, например, в 1868 г. штаб 1-го батальона Углицкого полка (полковой штаб которого находился в Орше) был расположен в Горках, штаб 2-го батальона – в Шклове, штаб 3-го батальона – в Копыси. В свою очередь, штаб-квартиры отдельных рот (ротные дворы) располагались в пяти наиболее крупных населенных пунктах вокруг своего батальонного штаба на удалении 10–15 верст друг от друга, а их личный состав, квартировавший в домах гражданского населения, в составе небольших групп по 5–10 чел. располагался в окрестных селах, расположенных вокруг ротного двора. Подобную схему территориального расположения использовали также кавалерийские полки и артиллерийские бригады. При этом районы расположения отдельных полков и артиллерийских бригад никогда не перекрывали друг друга, что при подобной схеме территориального размещения покрывало территорию белорусских губерний равномерной сетью ротных дворов, превращая в центры расположения различных мелких армейских подразделений одновременно около 2 тыс. населенных пунктов на белорусских землях.

Все соединения российской армии, дислоцировавшиеся на белорусских землях в рассматриваемый период, условно можно разделить на четыре группы, а именно: гарнизонные («местные») подразделения, специальные части, казаки и полевые войска. К числу первых, по существовавшим в то время административным нормам (в частности, на основании утвержденного 25 октября 1854 г. «мнения» Государственного Совета), следует отнести армейские подразделения, постоянно находившиеся на территории белорусских губерний и использовавшиеся при охране административных учреждений, этапировании заключенных, сопровождении рекрут и т. п. [19, л. 1–1 об.]. Гарнизонные подразделения во второй половине XIX – начале XX вв., как правило, не участвовали в военных кампаниях и десятилетиями не меняли места своего расположения, находясь в распоряжении губернаторов. Именно по этой причине содержание данных соединений было отнесено к местным губернским повинностям, а в отношении потребностей воинского управления производилось за счет

отчислений из фонда так называемых «местных сборов на общие земские повинности» [19, л. 1–2]. К их числу следует отнести дислоцировавшиеся во всех губернских и крупных уездных городах части Корпуса внутренней стражи (гарнизонные, а позднее губернские батальоны и уездные («инвалидные») команды). В отличие от современных внутренних войск гарнизонные подразделения не отличались ни высокой степенью мобильности, ни специальной подготовкой, пополняя свои ряды преимущественно из ветеранов полевых войск, а иногда и нарушителей армейской дисциплины, переведенных туда в качестве наказания. Учитывая последнее обстоятельство, называть их внутренними войсками в современном понимании было бы некорректно. Гарнизонные подразделения в некоторых источниках могут называться «внутренними», но лишь в отношении какой-то ограниченной территории (в первую очередь, губернии). В отличие от современных внутренних войск, они не могли также в полной мере выполнять полицейские функции. С последней задачей справлялись не столь многочисленные, но подготовленные и мобильные казачьи отряды. Возможно это стало одной из причин ликвидации в начале 80-х гг. XIX в. изживших себя гарнизонных подразделений (Корпус внутренней стражи как таковой был упразднен еще в середине 60-х гг. XIX в.), переформированных в полевые пехотные полки [19, л. 1].

В период восстания 1863–1864 гг. местные войска, уступив место мобильным казачьим отрядам, зарекомендовавшим себя в качестве силовой опоры гражданской администрации (в чем, собственно, и состоит одна из основных функций внутренних войск). В связи с этим командование новообразованного Виленского военного округа в середине 60-х гг. XIX в. стало активно изучать опыт использования казачьих формирований в интересах гражданских властей на местах [92, л. 1]. Оказалось, что к этому времени казачьи отряды непрерывно привлекались уездными чиновниками к полицейской, охранной и даже таможенной работе. Так, казаки 1-й сотни 32-го Донского казачьего полка (штаб которого в это время находился в Брест-Литовске), квартируя в 1866 г. в пограничных местечках и деревнях Белостокского уезда, «несли службу на импровизированных таможенных постах, наблюдая и преследуя неблагонадежных и беспаспортных, а, в случае надобности содействовали полиции и жандармерии» [20, л. 3]. Казаки этой же сотни, квартируя по пять человек при станковых квартирах, занимались рассылкой экстренных бумаг, выполняя таким образом функции современной фельдъегерской службы [92, л. 3об.]. Большинство же из них использовалось как для разъездов по Белостоку (которые можно считать прототипом современной патрульно-постовой службы), так и «при обысках, для взывании штрафов и контрибуции (в том числе и частного характера, как это было в Пружанском уезде. – А. А.)», выполняя в данном случае функции судебных приставов [20, л. 3об., 20]. В Волковысском уезде полусотня того же полка использовалась как «для усиления полицейского надзора», так и дежурства на станковых квартирах. Часть из них, находясь в распоряжении военного начальника Волковысского уезда, выполняла различные поручения гражданских чиновников [20, л. 3об.].

Брестский военно-уездный начальник подполковник Агелин жаловался на то, что, по его мнению, казаки в губернии дислоцировались неравномерно и не у всех местных властей была возможность прибегать к их помощи, указывая тем самым на необходимость организации на их основе внутренних войск, среди которых не нашлось место старым подразделениям корпуса внутренней стражи [20, л. 10–10 об.]. 16 декабря 1866 г. появилась и широко растиражированная «Инструкция для службы казаков в Виленском военном округе», которая официально закрепляла их функции: «Служба их заключается в преследовании преступников, ночных разъездах, предупреждении беспорядков при значительном стечении народа и в разных других обстоятельствах, неизбежно требующих военного содействия» [20, л. 30–30 об.]. Таким образом, в руках казаков к середине 60-х гг. XIX в. сосредоточились полицейская, таможенная, патрульно-постовая, фельдъегерская службы, в чем были заинтересованы в первую очередь гражданские чиновники.

Уже в 60-е гг. XIX в. из состава местных войск также начали выделяться отдельные учебные (резервные) стрелковые батальоны, пешие, а также конные этапные и охранные команды, которые следует отнести к войскам, выполнявшим специальные задачи: этапирование заключенных, подготовку военнослужащих новобранцев, охрану различных казенных объектов (напр. продовольственных складов). В отличие от местных войск специальные содержались за счет отчислений из фонда так называемых «общих государственных повинностей» («на счет общих государственных повинностей») [20, л. 2] и были профессионально более подготовлены к выполнению поставленных перед ними задач.

Самую многочисленную группу дислоцировавшихся в рассматриваемый период на белорусских землях армейских подразделений составляли регулярные полевые войска, к которым следует отнести все пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерные подразделения, составлявшие военную мощь государства. К середине 60-х гг. XIX в. по числу дислоцировавшихся полевых войск новообразованный Виленский военный округ уступал в Российской империи лишь приграничному Варшавскому и значительно опережал Киевский, Одесский, Харьковский, Санкт-Петербургский и пр. На его территории в конце 60-х гг. XIX в. дислоцировалось около 60 тыс. солдат и офицеров.

Среди дислоцировавшихся на белорусских землях полевых войск доминировали сведенные в несколько дивизий пехотные подразделения, которые лишь периодически несли так называемые городские караулы или направлялись на «кордонную» службу для усиления подразделений пограничной стражи, назначались для охраны участков железной дороги в пути следования царских поездов. По воспоминаниям одного из офи-

церов устюжского полка, «служба полка заключалась, главным образом, в содержании караулов при штабе полка, а также в крепости Брест-Литовск, для чего один батальон полка по очереди располагался со своею стрелковою ротой в крепости на два с половиной месяца. Кроме того, один батальон полка, без своей стрелковой роты, ходил изредка на русско-прусскую границу, занимая по ней участок между местечками Таурогеном и Юрбургом Росиенского уезда Ковенской губернии, где располагался вдоль границы по кордонам, помогал пограничной страже наблюдать за контрабандистами и не позволял им проносить через границу запрещенные товары» [21, с. 124].

В непосредственной близости от прусской (германской) границы (в Августовской, Ковенской и Митавской губерниях), на польских, литовских и латышских землях, традиционно дислоцировалась кавалерия. На белорусских землях, как правило, находилось не больше одной кавалерийской дивизии. Широко на территории наших губерний была представлена находившаяся в непосредственной связи с пехотой артиллерия. В Динабургском, Виленском и Бобруйском укрепленных районах также постоянно содержались части крепостной артиллерии и некоторые подвижные артиллерийские парки. В 70-е гг. XIX в. на белорусских землях появились первые саперные и понтонные батальоны. Во второй половине 70-х гг. XIX в. передвижение войск на белорусских землях стали обеспечивать три железнодорожных батальона, сведенные в 1886 г. в железнодорожную бригаду, поставленную у ст. Барановичи-Полесские [22, с. 181–195.] В начале XX в. в Вильно, Гродно и Лиде были образованы первые воздухоплавательные роты.

С началом военной реформы и завершением восстания 1863–1864 гг. предстояло, в первую очередь, упорядочить систему территориального расположения войск. Военный министр надеялся решить эту проблему, привлекая к подготовке очередного проекта «квартирного расписания» местные органы государственной власти и, в первую очередь, губернаторов: «Отныне, – писал министр, – подробное размещение определенного для округа числа войск с возможными для них удобствами может быть окончательно установлено только при ближайшем соображении всех местных обстоятельств и при участии в сем деле гражданского начальства» [23].

Что касается передвижения войск внутри военного округа, то в официальном послании Д.А. Милютину министру внутренних дел от 6 ноября 1864 г. было замечено, что «постоянное картирование войск на одних и тех же местах представляет столь важные неудобства, что заставляет совершенно отказаться от прежней системы назначения для них постоянных квартир: повременная смена частей войск необходима, как в видах уравнительного распределения службы между войсками, так и для придания им большей подвижности, дабы они не считали себя, так сказать прикрепленными к одним и тем же пунктам, не увеличивали без надобности своего хозяйства, составляющего и ненужное и дорогостоящее бремя при каждом передвижении, не заводили бы напрасных складов, требующих только лишних людей для их охранения и были бы готовы к выступлению, куда надобность укажет» [23, л. 2].

Насколько недалеким была программа развития системы территориального расположения войск министра Д.А. Милютин свидетельствует то, что сразу же после завершения русско-турецкой войны командование Виленского военного округа постаралось сосредоточить части подразделений, рассредоточенные по уездам белорусских губерний в наиболее крупных городах – Гродно, Бресте, Минске, Витебске, Могилеве, Вильно. Это было связано с тем, что, если до середины 70-х гг. XIX в. «медленность в сосредоточении армий обеих сторон (России и ее потенциальных противников. – А.А.) исключала необходимость заблаговременно разработанного плана дислокации мирного времени», то после окончания русско-турецкой войны расположение войск в конкретных географических точках получило принципиальное значение [24, с. 31]. По мнению Генерального штаба, «вследствие преимущества в быстроте сосредоточения войск враждебной стороны еще в мирное время должны были быть составлены не только общие соображения об употреблении вооруженных сил в случае войны, но и тщательно разработаны расчеты районах их расположения» [24, с. 32].

С этого момента важнейшим фактором, определявшим расположение войск в границах белорусских губерний, становилась близость отдельных населенных пунктов к границе Германской империи. Так, в частности, Гродно от нее отделяло не более 70 км, Вильно – немногим более 150. Крепостные сооружения нового типа, возводившиеся вокруг этих губернских центров с начала 80-х гг. XIX в., усиленные самыми многочисленными на белорусских землях гарнизонами, оказались вытянутыми вдоль ее восточного полумесяца. Район брестской крепости должен был разделять прусский и австрийский фронты, препятствуя передвижению немецких и австрийских войск с севера на юг и обратно. Дислокация войск на белорусских землях и, в частности, их сосредоточение в Принеманском регионе сопровождалось активным развитием сети железнодорожных коммуникаций.

Сосредоточенное расположение войск значительно упрощало процесс боевой подготовки, повышало общую дисциплину, способствовало улучшению качества питания военнослужащих и пр. В тоже время подобная модель территориального расположения войск ставила перед крупными городами ряд серьезных задач, главными из которых были казарменное строительство и развитие необходимой инфраструктуры.

Важной составляющей подготовки российских войск, дислоцировавшихся на белорусских землях, являлись летние лагерные сборы, проводившиеся для всех подразделений округа ежегодно с мая (июня) по сентябрь. «Местности, отводимые под лагерные сборы, находились вблизи крупнейших городов окру-

га: Динабурга, Гродны, Вильны, Ковны, Риги, Бобруйска и Могилева, – в каждом пункте для одной пехотной дивизии с ее артиллерией, и в Трокском уезде, около местечка Оран, – для всей артиллерии округа и стрелковой бригады, собственно для стрельбы, по окончании которой все артиллерийские части отправлялись в лагерь своих дивизий, а стрелковая бригада в лагерь под Гродно» [25, с. 550–551.].

Так, лагерь под Могилевом к концу 70-х гг. XIX в. «раскинулся в 500 шагах от Днепра, на левом его берегу, в версте от предместья Луполово. Суздальский, Углицкий и Казанский полки располагались в одну линию; ближе к городу, на территории лагеря были построены деревянные здания лазаретов, кухня, цейхгаузов, офицерских собраний, гимнастические городки, хлебопекарни, конюшни и пр.; почти у каждого офицера был свой деревянный барак, или под палатку, или в виде отдельного домика. Впереди лагеря, на открытом бугре – деревянная находилась дивизионная церковь. В Суздальском и Углицком полку все палатки утопали в густых березовых аллеях. Вокруг офицерских палаток устраивались дерновые скамейки, деревянные ограды и разводились целые цветники» [26, с. 668, 669].

В конце XIX – начале XX вв. центром крупнейших на белорусских землях армейских сборов стал Брест-Литовск. За один только теплый период 1904 г. в летнем лагере близ города прошли подготовку соединения трех армейских корпусов российской императорской армии: из состава 6-го артиллерийского корпуса – 4-я артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля), 16 артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля), 4-й конно-артиллерийский дивизион (с 20 мая по 20 июля); из состава 14-го армейского корпуса – 2 пехотная дивизия (с 20 мая по 20 июля), 2 артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля); из состава 19 армейского корпуса – 38 пехотная дивизия (с 27 апреля по 15 августа), 38 артиллерийская бригада (с 20 мая по 20 июля), 49 пехотная резервная бригада (с 1 мая по 28 августа), 7 кавалерийская дивизия (с 5 июля по 19 сентября), 7 конно-артиллерийская дивизия (с 20 мая по 20 июля и с 15 по 19 сентября); донская казачья дивизия (с 5 по 9 сентября), донская казачья артиллерийская дивизия (с 5 по 19 сентября) и гарнизон местной крепости.

Заключение. Дислокация российских войск на белорусских землях в рассматриваемый период была обусловлена как временными обострениями отношений Российской империи с западными соседями в период Крымской войны и восстания 1863–1864 гг., так и устойчивым ростом военной напряженности с австро-германским блоком, начавшимся в конце 70-х гг. XIX в. и продолжавшимся до начала Первой мировой войны. Главным военно-политическим оппонентом России в рассматриваемом регионе выступала Пруссия (Германская империя), граница которой находилась в непосредственной близости от белорусских губерний. Расположение значительного воинского контингента вблизи восточно-прусской границы было обусловлено быстрыми темпами развития сети транспортных коммуникаций у потенциального противника и, как следствие, сокращением сроков мобилизации его армии, а также обширностью территорий самой Российской империи, что затрудняло быструю переброску войск в случае вооруженного конфликта. При этом если до начала 60-х гг. XIX в. расположение частей регулярной армии на белорусских землях носило эпизодический характер и происходило главным образом непосредственно в период обострения военно-политической ситуации (в частности, дислокация тридцатитысячной группировки войск в период Крымской войны), то к началу 60-х гг. XIX в. российское правительство пришло к пониманию необходимости создания на белорусских землях устойчивой единицы военно-территориальной организации (военного округа) с постоянным составом воинского контингента. Белорусские земли, ставшие в 1863 г. территориальной основой сильнейшего в Российской империи Виленского военного округа, в момент его образования оказались также центром формирования 6 пехотных дивизий (26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й) и 6 артиллерийских бригад (26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й), большинство из которых не покинули территорию белорусских губерний до начала Первой мировой войны. Общая численность воинского контингента, располагавшегося на белорусских землях в период существования округа, составляла от 60 тыс. (в 60-е гг. XIX в.) до 40 тыс. (в 70 гг. XIX – нач. XX вв.) военнослужащих. Его подразделения до начала 80-х гг. XIX в. регулярно меняли места расположения, но не выходили за границы отведенных им губерний, оставляя штабы в губернских либо уездных городах и равномерно распределяя личный состав по уездам губерний. С началом активного казарменного строительства, соединения округа оказались сконцентрированы на территории крупнейших городских центров (Вильно, Гродно, Бреста, Минска, Витебска, Бобруйска, Могилева, Слонима, Кобрин, Лиды, и др.), лежавших вдоль важнейших транспортных магистралей и получивших к тому времени железнодорожное сообщение, обеспечивавшее быструю переброску личного состава и вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарле, Е. В. Крымская война / Е. В. Тарле. – М. : Изографус, 2003. – 348 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 320. Оп. 2. Д. 77.
3. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 13. Д. 794.
4. Гулевич, С. История Лейб-Гвардии Финляндского полка : в 3 ч. / С. Гулевич. – СПб., 1906. – Ч. 2 : 1825–1855 гг. – 387 с.
5. История лейб-гвардии Казачьего его величества полка. – СПб. : типография второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. – 167 с.

6. Александровский, К. Очерк истории лейб-гвардии уланского ея величества государыни императрицы Александры Федоровны полка / К. Александровский. – СПб. : тип. Эдуарда Гоппе, 1897. – 267 с.
7. НИАБ. – Ф. 320. Оп. 1. Д. 334.
8. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 29. Д. 834.
9. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 809.
10. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 879.
11. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 29. Д. 846.
12. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента генерального штаба : в 17 т. – СПб. : в типографии департамента генерального штаба, 1848. – Т. 8. – Ч. 1 : Витебская губерния. – 282 с.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента генерального штаба. – СПб. : в типографии департамента генерального штаба, 1848. – Т. 8. – Ч. 3 : Могилевская губерния – 154 с.
14. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Генерального Штаба : в 17 т. – СПб. : в тип. департамента Генерального Штаба, 1849. – Т. 9. – Ч. 3 : Гродненская губерния. – 161 с.
15. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича (1855–1880 гг.) / сост. ген.-майор Шилдер [и др.]. – СПб. : типография М. Стасюлевича, 1880. – 543 с.
16. Осоргин, М. М. Воспоминания или Что я слышал, Что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 / М. М. Осоргин. – М., 2008. – 1000 с.
17. Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1973. – 349 с.
18. Гевеке. Материалы для истории окружного артиллерийского управления и артиллерийских частей, учреждений и заведений, подчиненных начальнику артиллерии Виленского военного округа с 1864 по 1911 год / Гевеке. – Вильно : «Знич», 1912. – 64 с.
19. Расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 февраля 1914 г. – СПб. : военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. – 578 с.
20. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 60.
21. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 152.
22. Поликарпов. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го Устюжского генерала князя Багратиона полка (1797–1897) / Поликарпов. – Вильна : типогр. шт. Вил. воен. окр., 1897 г. – 186 с.
23. К вопросу о преобразовании железнодорожной бригады // Военный сборник. – 1903. – № 3. – С. 181–195.
24. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 136.
25. Зайончковский, А. М. Подготовка России к империалистической войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам) / А. М. Зайончковский. – М. : Государственное военное издательство, 1926. – 425 с.
26. Виленский военный округ. Военное обозрение Виленского военного округа : в 2 т. / сост. офицерами Генерального штаба, состоящими при окружном штабе. – Вильна, 1877. – Т. 1. – 588 с.
27. Борисов, В. Походы 64-ого Казанского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича полка / В. Борисов, А. Сыщанко. – СПб. : тип. И. Скороходова, 1888. – 819 с.

Поступила 10.12.2016

GEOGRAPHICAL LOCATION, NUMBER AND STRUCTURE OF THE RUSSIAN TROOPS STATIONED IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

A. ARLUKEWICZ

The article describes the system of territorial arrangement of Russian troops on the Belarusian lands in the second half of XIX – beginning of XIX centuries, the causes and the stationing of troops on Belarusian lands, to determine their composition, number and location within the boundaries of the Belarusian provinces. The study built on the great circle for the first time introduced into scientific circulation of sources found in the National historical archives of Belarus, National historical archives of Belarus in Grodno, which helped to reveal the value of the Belarusian lands in the center of deployment of Russian troops on the territory of the Russian Empire in the period from the mid-nineteenth century until the outbreak of the First world war.

Keywords: *dislocation of troops, the Belarusian lands in the Russian Empire, Vilna military district, the Belorussian province.*